УДК: 004.056.53:341.24 DOI: 10.22394/2071–2367–2018–13–6–97–110

СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ «РОССИЙСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ УГРОЗЕ» НА ЗАПАДЕ: СТРУКТУРА, ОСНОВНЫЕ УРОВНИ И ИНСТРУМЕНТЫ

Царик В.С.[1]

Цель исследования – обзор сформировавшейся на Западе системы противодействия так называемой «российской информационной угрозе». Обозначены основные её структурные уровни и компоненты и систематизированы ключевые практические инструменты, используемые в её рамках. В основу исследования положен *метод* научного синтеза и систематизации массива фактологических данных с помощью *структурно-функционального анализа.* Проведённое исследование позволило заключить, что система противодействия «российской информационной угрозе» на Западе включает ряд официальных государственных механизмов национального и международного уровня и спектр формально негосударственных, общественных институтов аналитической, пропагандистской и расследовательской направленности. Она характеризуется сетевым горизонтальным принципом организации, дисперсией функций между структурами различного уровня, инициативной ролью общественных организаций и (меж)парламентских групп. На данный момент она является одной из базовых составляющих общего конфронтационного курса Запада по отношению к России, обеспечивая её стигматизацию и создавая аргументационное обоснование для дальнейшего усиления давления на нашу страну даже в отсутствие объективных поводов для этого.

Результаты исследования могут использоваться как платформа для дальнейшего изучения формирующейся системы противодействия «российской информационной угрозе» на Западе на отдельных её уровнях и направлениях, а также для совершенствования внешней информационной политики России.

Ключевые слова: Запад, Россия, информационная угроза, гибридная война, пропаганда, манипуляция, дискурс.

Царик Владимир Станиславович – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин Международного юридического института, адрес: 127427, Россия, г. Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4, e-mail: ussura-moskva@yandex.ru

SYSTEM OF COUNTERACTION TO "RUSSIAN INFORMATION THREAT" IN THE WEST: STRUCTURE, BASIC LEVELS AND TOOLS

TSARIK V.S. – Senior Lecturer of the Department of General Humanities and Science Disciplines, International Law Institute (Russian Federation, Moscow), e-mail: ussura-moskva@yandex.ru

The purpose of the study – presents an overview of the so-called "Russian information threat" system formed in the West. Identifies its main structural levels and components and systematizes the key practical tools used within its framework. The research is based on the *method* of scientific synthesis and systematization of an array of factual data using *structural and functional analysis.*

The study made it possible to conclude that the system of counteraction to "Russian information threat" in the West includes a number of official state mechanisms of national and international level and a range of formally non-state, public institutions of analytical, propaganda and investigative orientation. It is characterized by the network horizontal principle of organization, the dispersion of functions between structures at various levels, the initiative role of public organizations and (inter) parliamentary groups. At the moment, it is one of the basic components of the general confrontational course of the West towards Russia, ensuring its stigmatization and creating a substantiation rationale for further increasing pressure on our country even in the absence of objective reasons for this.

The results of the research can be used as a platform for further study of the emerging system of counteraction to the "Russian information threat" in the West at its individual levels and directions, as well as for improving the external information policy of Russia.

***Keywords*:** West, Russia, information threat, hybrid war, propaganda, manipulation, discourse.

В последние годы западный информационный фон плотно заполнен сообщениями о тех или иных проявлениях «российской информационной угрозы». Не проходит и недели без появления новостей о «российской пропаганде», о деструктивной работе «русских хакеров», ботов и троллей, о «российском вмешательстве» в те или иные внутренние политические

процессы в западных странах и даже о ведущейся Россией «кибервойне со свободным миром». Иногда подобные сообщения выдержаны в сравнительно адекватном ключе, а иногда выглядят откровенно абсурдно. Но какими бы фантастическими и несуразными они ни были, их уже нельзя считать отдельными, спорадическими признаками западной антироссийской паранойи или ситуативным инструментом решения сугубо внутренних для трансатлантического сообщества задач, как это нередко представляют отечественные аналитики.

Благодаря регулярному муссированию в СМИ за прошедшие годы тема «российской информационной угрозы» оформилась в единый политический дискурс о якобы злонамеренном деструктивном информационном влиянии нашей страны, направленном на подрыв существующего международного порядка и политических систем стран либеральной демократии. Этот дискурс получил академическое обоснование и формальное утверждение, был закреплён в ряде официальных программных политических документов как отдельных государств, так и межгосударственных структур и институциализирован на национальном и международном уровнях в виде ряда органов, в чьи функциональные обязанности официально входит противодействие «российской пропаганде» и «российской дезинформации». На данный момент он является одним из основных в западном информационном пространстве и систематически подкрепляется новыми «фактами» и вбросами.

Не стоит недооценивать масштаб этого явления: то, что ещё недавно было слишком смелым допущением, неуместным не то что в официальной риторике, но и в аналитических публикациях, за несколько лет превратилось в аксиому, не требующую доказательств. Конструкт информационной угрозы, исходящей от Российского государства и общества, уже реифицирован, то есть превращён в устойчивый элемент политической реальности и надёлен собственной политической значимостью, и он так или иначе будет довлеть над участниками политического процесса до тех пор, пока не будет демонтирован. Это касается не только отношений Россия–Запад, но и отношений внутри западного сообщества и внешней политики некоторых его государств, для которых данный дискурс приобрёл структурное качество. Кроме того, он задаёт шаблон, который может быть применён (и уже начинает применяться) к другим странам и акторам, в отношении которых звучат аналогичные обвинения в деструктивной пропаганде и вмешательстве во внутренние процессы западных государств. «Исключение» становится «правилом» и вносит изменения в общий нормативный контекст современных международных отношений.

На сегодняшний день нужно констатировать факт формирования на Западе целостной системы противодействия «российской информационной угрозе» как комплекса дискурсивных положений, национальных и международных органов и практических инструментов, как официально закреплённых, так и применяемых неформально на внегосударственном уровне, направленных на оформление, интерпретацию, сдерживание и нейтрализацию будто бы исходящей от Российской Федерации угрозы подрыва единства западного сообщества, его либерального порядка и демократических ценностей информационными методами. Это не классическая информационная война как действия по нанесению ущерба противнику с помощью информационных средств воздействия, как то дезинформация госаппарата или деморализация населения. Это явление иного порядка, связанное не столько с воздействием собственно на руководство и общество Российской Федерации, сколько с закреплением определённых смысловых диспозиций в политической и институциональной структуре западного сообщества.

При этом данная система фактически является частью более обширного комплекса конфронтационного курса Запада в отношении России, включающего меры военно-политического сдерживания, дипломатической изоляции и экономического подавления путём различного рода ограничений и санкций. В рамках этого комплекса система информационного противодействия выполняет ряд важных функций. Во-первых, она закрепляет образ РФ не просто как ситуативного конкурента, а как ценностного антагониста Запада. Благодаря этому формируется репрезентация общей угрозы, в одинаковой степени актуальной для всего западного сообщества. Во-вторых, акцентирует внимание на том, как этот антагонист якобы действует за гранью правил, допустимых в сообществе суверенных государств, чем открывает возможность для Запада не придерживаться этих правил в отношениях с Россией. В-третьих, она поддерживает накал и градус антироссийской напряжённости в западном обществе вне зависимости от реальных действий и заявлений официального руководства России. Она предоставляет обоснования конфронтационного курса Запада, даже если со стороны Москвы объективно нет признаков готовности к подобной конфронтации. Тем самым искусственно ограничивается субъектность России как ответственного суверенного участника международных отношений, дискредитируется её официальная позиция и подрывается её политическая и правовая легитимность в глазах международной общественности.

Парадоксальным образом данная система во всей её целостности до сих

пор не является предметом полноценного исследования в академической науке, причём как западной, так и российской.

В фокусе западной науки находится главным образом «российская информационная угроза» сама по себе, в конструировании, обосновании и выработке путей нейтрализации которой участвовали многие западные исследователи. Именно пристальное внимание и обсуждение в экспертной среде и в среде гражданского общества обеспечило распространение данного конструкта на начальном этапе после разворачивания украинского кризиса. От экспертной же среды исходили обращения в адрес государственных и международных структур с призывами признать факт наличия подобной угрозы и принять меры для её нейтрализации.

Вовлечённость западного экспертного сообщества в конструирование системы противодействия «российской информационной угрозе» препятствует добросовестному научному изучению этой системы. Собственно, в западной академической мысли до сих пор не сформировалась проблематизация этого процесса как целенаправленного конструирования со стороны заинтересованных субъектов (хотя при этом процесс конструирования угрозы со стороны Запада в российском информационном пространстве исследуется весьма обширно[1]). Среди западных учёных есть те, кто скептически оценивает концепт гибридной войны и оспаривает её исторически беспрецедентный характер, указывая на примеры того, как негосударственные силы и невоенные методы активно использовались государствами как в недавнем прошлом, так и в более ранние эпохи. Это М. Кофман, С. Чарап, А. Ливен, Р. Саква и др. Но при том, что эти исследователи демонстрируют гораздо более адекватное понимание истинных мотивов российской внешней политики, они не спешат ставить под сомнение те меры, которые предпринял Запад в рамках курса на конфронтацию с Россией в последние годы, или дезавуировать тиражируемые репрезентации российского вызова либеральному порядку. Пока что механизм того, как Россию намеренно выставляют как угрозу «свободному миру», раскрывается лишь в публицистических изданиях отдельных авторов, мало связанных с академической наукой[2].

В отечественной науке тематика информационных и психологических войн

---

[1] Один из наиболее полных на данный момент обзоров данного процесса представлен в монографии Е. Гауфман Gaufman E. Security Threats and Public Perceptions. Digital Russia and the Ukraine Crisis. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. – 230 p., см. также Pasitselska O. Ukrainian crisis through the lens of Russian media: Construction of ideological discourse // Discourse & Communication. – 2017. – Vol. 11, No. 6. – P. 591-609.

[2] Basulto D. Russophobia: How Western Media Turns Russia Into the Enemy. – 2015. – 286 p.

разрабатывается достаточно давно и плодотворно, но в фокусе её внимания находятся главным образом те конкретные приёмы, рычаги и средства, которые задействует Запад в информационной войне против России с целью ослабления её государственности, дискредитации политического курса, общественного устройства, ценностных и духовных основ российского общества. Особенности приёмов и технологий, используемых западными государствами для дискредитации России в последние годы, описаны в публикациях А. Бартоша, А. Гуменского, П. Шарикова, М. Алхименкова, Ю. Першина.

В данной статье мы попробуем описать конфигурацию системы противодействия российской информационной угрозе в том виде, в каком она сформировалась на Западе на данный момент, вычленить её структурные уровни и направления деятельности и систематизировать. (Во избежание перегрузки текста мы далее опускаем кавычки вокруг понятий «гибридная война», «российская угроза» и т.п., имея в виду, что строители системы противодействия воспринимают их как очевидную и бесспорную реальность, которой надо поставить настоящий заслон.) При этом следует отметить, что формирование этой системы ещё продолжается, и в будущем она может приобрести дополнительные структурные элементы. Но её основы, заложенные в последние четыре года, сохранят свою релевантность до тех пор, пока Запад будет продолжать свой конфронтационный курс в отношении нашей страны.

Под «российской информационной угрозой» понимается целый спектр различного рода потенциальных деструктивных воздействий, объединяющий информационно-пропагандистское влияние, психоинформационные манипуляции, распространение дезинформации и агрессивные действия в киберпространстве.

В системе противодействия российской информационной угрозе задействованы как официальные государственные и межгосударственные механизмы, так и целый спектр негосударственных инструментов влияния, оперирующих как добровольные проекты гражданского общества или аналитические организации. Иногда грань между ними весьма условна. Так, общественные проекты и организации могут напрямую финансироваться государствами (как американский Национальный фонд демократии напрямую финансирует украинский проект *Stopfake*) и использоваться как платформы для озвучивания позиций, которые пока не могут исходить от государственных структур, или вбрасывания на неофициальном уровне необходимой

информации, источником которой могут являться государственные органы власти, или выполнять иные функции. Но в любом случае они являются важным компонентом системы противодействия российской информационной угрозе вполне в духе концепта гибридной войны.

Официальные государственные механизмы в рамках данной системы оперируют на трёх уровнях: 1) национальном, 2) двустороннем и 3) на уровне многосторонних международных форумов и институтов.

На *национальном* уровне происходит выделение информационных и гибридных угроз в отдельную сферу обеспечения национальной безопасности с созданием соответствующих административных функций и ответственных за них подразделений или отдельных органов власти. Как правило, это специальные отделы в службах национальной безопасности, военных штабах, разведывательных органах или в системе исполнительной власти, прежде всего в министерствах иностранных дел. Кроме того, в следственных органах создаются ситуативные или постоянные структуры для расследования отдельных конкретных случаев так называемого «российского вмешательства» во внутренние дела государств. Нередко подобные расследования инициируются и проводятся различными парламентскими группами, что отражает высокую степень вовлечённости национальных парламентов и отдельных депутатов в процесс выстраивания системы противодействия российской информационной угрозе. Парламентская трибуна зачастую используется как промежуточное звено для вынесения уже оформившихся в экспертной среде и гражданском обществе запросов, позиций и представлений на уровень государственной власти.

На уровне *двустороннего* взаимодействия налаживаются механизмы сотрудничества в деле нейтрализации «российской пропаганды и дезинформации» в виде текущих обменов между соответствующими подразделениями и органами власти конкретных стран, а также в виде технической и финансовой помощи странам, особенно уязвимым к российской информационной угрозе, – прежде всего странам Центрально-Восточной Европы. США и Великобритания финансируют специальные программы и тренинги для обучения восточноевропейских чиновников и журналистов распознаванию случаев дезинформации и манипуляции в СМИ и соцсетях, исходящих от российских источников. Именно на двустороннем уровне вырабатываются основные практические механизмы отражения российской информационной угрозы и происходит вовлечение в этот процесс социально активных групп из тех стран, где антироссийские настроения ещё не имеют

устойчивого преобладающего влияния.

На уровне *многосторонних* организаций и форумов за эти годы произошло вынесение российской информационной угрозы на повестку дня межгосударственного сотрудничества, утверждение её как актуальной и насущной для международного сообщества, а также её формализация в виде конкретных обязательств западных государств по оказанию солидарной взаимопомощи и формированию административного и оперативного потенциала для отражения данной угрозы и институционализация, т.е. создание постоянно действующих органов, призванных заниматься нейтрализацией этой угрозы. В качестве площадок для продвижения дискурса о данной угрозе пока что крайне ограниченно используются органы Организации Объединённых Наций, зато в значительном объёме задействуются структуры Совета Европы, НАТО, Европейского союза и ОБСЕ, а также инструменты Большой Семёрки. В частности, в рамках НАТО происходит постепенное включение информационного пространства в оперативное поле Альянса и распространение на него обязательств и практик коллективной обороны.

Ведущую роль в формировании и продвижении подобного дискурса играют органы межпарламентского сотрудничества – Европарламент, Парламентская ассамблея Совета Европы и Парламентская ассамблея ОБСЕ. Они стали главными центрами обсуждения темы предполагаемой российской информационной угрозы на этапе её оформления, и их решения и резолюции позволили закрепить эту угрозу как элемент политической реальности, а регулярно представляемые и одобряемые ими мониторинговые доклады поддерживают и расширяют уже сформированный дискурс о российской информационной угрозе.

В практическом плане основными органами международного сотрудничества, ответственными за отражение российской информационной угрозы, выступают уже упомянутый Центр передового опыта НАТО в области кооперативной кибероборонь (https://ccdcoe.org/), открытый в январе 2014 года Центр передового опыта НАТО в области стратегической коммуникации в Риге (https://www.stratcomcoe.org), созданная решением Европейского совета в марте 2015 года Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям Европейской внешнеполитической службы (https://euvsdisinfo.eu/), основанный в начале 2017 года Европейский центр передового опыта по противодействию гибридным угрозам в Хельсинки (https://www.hybridcoe.fi/), а также ряд структур по обеспечению

кибербезопасности, включая планируемый, но пока не развёрнутый Центр операций в киберпространстве, решение о создании которого было принято на саммите Альянса летом 2018 года.

Подобная «оперативная дисперсия» и рассредоточение компетенций между различными, как правило, не слишком масштабными органами международного сотрудничества отражают общий тренд на формирование системы противодействия российской информационной угрозы как горизонтальной сетевой структуры, с множественными инстанциями и направлениями работы. Ожидаемо, им свойственна проблема дефицита координации в практическом отношении, но, поскольку они действуют на базе единого дискурса и в русле единого политического руководства, это пока что не приводит к возникновению межведомственной конкуренции.

Аналогичную разветвлённую горизонтальную сеть составляют и негосударственные участники данной системы, среди которых следует упомянуть:

1) аналитические центры и академические организации, разрабатывающие концептуальное обеспечение и методологическую основу для распознавания, учёта и анализа проявлений «информационной агрессии» со стороны России, а также формулирующие стратегические мотивы, которыми руководствуется Москва в своей подрывной деятельности по отношению к либеральному порядку;

2) специальные проекты и сайты, фиксирующие и разоблачающие факты российской дезинформации и пропаганды в СМИ и соцсетях (так называемые «антифейк-проекты»);

3) центры независимых расследований, раскрывающие недоступные в открытых источниках детали отдельных информационных операций и причастных к ним лиц;

4) администрации соцсетей, отслеживающие активность «российских троллей» и применяющие ограничительные меры к распространителям «российской пропаганды».

По мере формирования официальных государственных и межгосударственных органов, призванных бороться с российской информационной угрозой, перечисленные функции возлагаются и на них. Однако это не приводит к сужению масштаба деятельности общественных и квазиобщественных акторов, которые продолжают играть роль локомотива в продвижении ключевых месседжей антироссийской кампании на Западе и её дальнейшей радикализации. При этом взаимодействие между подобными

акторами носит транснациональный характер с формированием как ситуативных, проектных, так и устойчивых институциональных связей между различными организациями и представителями экспертного сообщества.

В функциональном отношении система противодействия российской информационной угрозе включает в себя ряд политических и практических инструментов.

Политические инструменты данной системы связаны с генерированием официального дискурса, осуждающего политический курс РФ, как основанный на ложных аргументах, дискредитацией этих аргументов, отказом от учёта российской позиции как необоснованной, недобросовестной и неправомерной, отказом от диалога с Москвой и компромиссного решения проблемных вопросов в информационной сфере и приписыванием тех или иных деструктивных для современного Запада событий и процессов негативному влиянию РФ. Помимо этого в русле концепта «гибридной войны» идёт намеренная делегитимизация (а в некоторых случаях и криминализация) российских и некоторых западных общественных структур и публичных деятелей, как выражающих не собственную объективную незаангажированную позицию, а выступающих «агентами Кремля» и продвигающих деструктивные для западного общества месседжи в рамках целостной стратегии России по подрыву либерального порядка. Такое расширение потенциального противника и распространение образа врага на российские общественные структуры и даже русское население является главным качественным изменением в западном политическом мышлении за последние годы. Благодаря этому происходит и расширение предполагаемой ответственности России и её руководства за действия частных лиц и структур, не имеющих прямой связи с Российским государством.

Арсенал практических инструментов борьбы с российской информационной агрессией постоянно расширяется. На данном этапе в него входят:

- ограничение вещания российских и русскоязычных СМИ;
- физическое препятствование деятельности российских журналистов;
- формирование специальных структур для отслеживания и опровержения «российских фейков»;
- создание русскоязычных печатных и аудиовизуальных СМИ для воздействия на русскоязычную аудиторию в странах ЕС и СНГ;
- выдвижение обвинений во вмешательстве во внутренние дела и финансировании радикальных политических и общественных сил;

– ограничение работы или принудительное закрытие российских дипломатических учреждений за рубежом;

– применение мер давления против российских дипломатов, деятелей культуры, представителей бизнеса;

– юридическое преследование российских граждан, подозреваемых в шпионаже и проведении кибератак против западных стран и международных организаций;

– ограничение возможностей для получения образования на русском языке;

– порицание и стигматизация деятелей, в том числе западных, допускающих правомерность российской позиции или открыто её разделяющих;

– финансирование программ обучения журналистов методам распознавания и нейтрализации российской пропаганды;

– проведение и спонсирование «независимых расследований», нацеленных на разоблачение исходящих от России манипуляций в СМИ и соцсетях;

– отслеживание и ограничение российской пропаганды в соцсетях, меры против т.н. «российских троллей и ботов»;

– выдвижение обвинений в адрес «русских хакеров» по поводу вмешательства в западную информационную инфраструктуру, взлома частных данных и массового распространения компьютерных вирусов и вредоносных программ;

– запрет и ограничение использования российского программного обеспечения, включая антивирусные средства;

– распространение информации, компрометирующей высшее политическое руководство РФ.

Большинство подобных инструментов относится к национальному уровню компетенции и применяется по решению государственных органов власти, но их инициирование может происходить на уровне международных организаций или в знак общей евроатлантической солидарности. Характер и объём конкретных мер, принимаемых в ответ на то или иное проявление «российской информационной агрессии», пока что остаются прерогативой национальных правительств, хотя движение в направлении выработки единообразного шаблона и моделей поведения в этой сфере продолжается.

По нашему мнению, двумя главными качествами сформировавшейся системы противодействия «российской информационной угрозе» с точки

зрения интересов нашей страны являются следующие:

– полномасштабное влияние этой системы на весь спектр взаимоотношений России с зарубежными странами, подрывающее возможность снижения политического напряжения, выработки компромиссных решений проблемных вопросов и восстановления регулярного сотрудничества с Западом, а также препятствующее реализации национальных интересов России внутри страны, в ближнем и дальнем зарубежье;

– многоуровневая институционализация и прочное закрепление этой системы, обуславливающие значительную инерцию развёрнутой антироссийской активности и невозможность её остановить мерами ординарной внешней политики.

Таким образом, сформировавшись, на первый взгляд, как реакция на вызовы украинского кризиса 2014 года и под влиянием концепта «гибридной войны», противодействие «российской информационной угрозе» эволюционировало в относительно целостную разветвлённую систему, включающую в себя ряд дискурсивных, политико-правовых, институциональных и практических компонентов на межгосударственном, национальном и общественном уровнях. На данный момент эта система является одной из базовых составляющих общего конфронтационного курса Запада по отношению к России, обеспечивая её стигматизацию и создавая аргументационное обоснование для дальнейшего усиления давления на нашу страну даже в отсутствие объективных поводов для этого. Она характеризуется сетевым горизонтальным принципом организации, дисперсией функций между структурами различного уровня, инициативной ролью общественных организаций и (меж)парламентских групп. Эффективность данной системы требует отдельного анализа, тем более что к ней могут быть применены различные критерии эффективности. Однако уже сейчас можно констатировать, что благодаря регулярному воспроизводству, реификации и институционализации дискурс о российской «гибридной войне» и «информационной угрозе» закрепился в качестве одного из ведущих смысловых векторов западного информационного и политического пространства, и без его преодоления никакой сценарий нормализации отношений России с Западом невозможен даже при поддержании или налаживании кооперативных связей в отдельных практических вопросах и областях.

Библиография/References:

1. Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. – 2015. – № 9. – С. 5–11. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2015/2015_9/Belozerov.pdf (дата обращения: 16.10.2018)

2. Низовцева Н.Ф., Гришанин Н.В. Гибридная война как геополитический тренд // Научные труды Северо-Западного Института Управления РАНХиГС. – 2016. – Том 7. – № 3 (25). – С. 76–85.

3. Фененко А.В. Новая мобилизация? // Российский совет по международным делам. – 2018. – 26 июля. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-mobilizatsiya/ (дата обращения: 16.10.2018)

4. Цыганков П.А. “Гибридные войны” в XXI веке: социальные и политические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2015. – № 4. – С. 253–258.

5. Basulto D. Russophobia: How Western Media Turns Russia Into the Enemy. – 2015. – 286 p.

6. Crandall M., Allan C. Small States and Big Ideas: Estonia's Battle for Cybersecurity Norms //Contemporary Security Policy. – 2015. – Vol. 36, No. 2. – P. 346–368.

7. Deibert R.J., Rohozinski R., Crete-Nishihata M. Cyclones in cyberspace: Information shaping and denial in the 2008 Russia–Georgia war // Security Dialogue. – 2012. – Vol. 43, No. 1. – P. 3–24.

8. Gaufman E. Security Threats and Public Perceptions. Digital Russia and the Ukraine Crisis. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. – 230 p.

9. Haukkala H. A Close Encounter of The Worst Kind? The Logic of Situated Actors and the Statue Crisis Between Estonia and Russia // Journal of Baltic Studies. – 2009. – Vol. 40, No. 2. – P. 201–213.

10. OsipovaYe. Indigenizing soft power in Russia // The Routledge Handbook of Soft Power / N. Chitty, L.Ji, G. D. Rawnsley, C. Hayden (eds.). – Abingdon: Routledge, 2017. – P. 346–357.

11. Pasitselska O. Ukrainian crisis through the lens of Russian media: Construction of ideological discourse // Discourse & Communication. – 2017. – Vol. 11, No. 6. – P. 591–609.

1. Belozerov, V.K., Solov'yev, A.V. (2015) Gibridnaya voyna v otechestvennom politicheskom i nauchnom diskurse [Hybrid war in the domestic political and scientific

discourse] // Vlast' [The Power]. – № 9. – P. 5–11. – URL: http://www.isras.ru/ files/ File/Vlast/2015/2015_9/Belozerov.pdf (data obrashcheniya: 16.10.2018) (In Russ.)

2. Nizovtseva, N.F., Grishanin, N.V. (2016) Gibridnaya voyna kak geopoliticheskiy trend [Hybrid war as a geopolitical trend] // Nauchnyye trudy Severo-Zapadnogo Instituta Upravleniya RANKhiGS [Scientific Works of the North-West Institute of Management, RANEPA]. – Tom 7. – № 3 (25). – P. 76–85. (In Russ.)

3. Fenenko, A.V. (2018) Novaya mobilizatsiya? [New mobilization?] // Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam [Russian Council on International Affairs]. – 26 iyulya. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-mobilizatsiya/ (data obrashcheniya: 16.10.2018) (In Russ.)

4. Tsygankov, P.A. (2015) “Gibridnyye voyny” v XXI veke: sotsial'nyye i politicheskiye aspekty [“Hybrid wars” in the XXI century: social and political aspects] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. – № 4. – P. 253–258. (In Russ.)